

Научная статья
УДК 94+327

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-869-879>

Проблемы войны и мира в условиях нарастания внешних угроз суверенитету России (2012–2022 гг.)

Михаил Анатольевич КАЗАКОВ *, Михаил Владимирович КОТОВ

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

*Адрес для переписки: kazakov_mihail@list.ru

Актуальность. Цель исследования – рассмотрение состояния проблем войны и мира в динамике нарастания внешних угроз суверенитету РФ в 2012–2022 гг. Особый интерес среди них к войне – как феномену, который вновь стал радикальным инструментом ведения межгосударственных отношений.

Методы исследования. Исследование основано на принципах историзма, единства объективного и субъективного. Наряду с общенаучными методами, такими как анализ, диалектический метод, case-study, использованы элементы децизионного, историко-сравнительного, ретроспективного и других методов из междисциплинарного знания.

Результаты исследования. Отмечено, что главная причина эскалации «горячей фазы» войны – фактический отказ Запада закончить холодную войну. Дано различие в особенностях понимания современной войны и ее инструментов в целях и методах международной политики, проводимой США на примерах действий администраций Б. Обамы и Д. Трампа, РФ под руководством Президента В.В. Путина. Показано, что наметившийся было тренд на отказ от унилатерализма изменениями внутри и во внешней среде трансформировался в радикальный политический курс США при Б. Обаме. Укрепление США как государства, несмотря на противоречия между фракциями истеблишмента, и его роли как центра Запада, при наличии острого межпартийного дискурса, при Трампе – инструмент борьбы за его глобальную гегемонию. При категорическом неприятии агрессивных действий Вашингтона и НАТО руководство России не исключает возможность мирного сосуществования с США.

Выводы. Рассмотренный период стал не только фиксацией запущенных Западом тенденций, но и серьезным образом трансформировал понимание Россией национальной безопасности. Концепция «гибридной войны» представляется наиболее продуктивной для описания нынешнего этапа. Для построения более стабильной системы международной безопасности в XXI веке необходимо будет учесть изменения в характере целого ряда фундаментальных проблем международных отношений, относящихся к проблемам войны и мира.

Ключевые слова: война и мир, инструменты, цели и методы международной политики, многополярный мир, гибридные войны, стратегический паритет, суверенитет России

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Для цитирования: Казаков М.А., Котов М.В. Проблемы войны и мира в условиях нарастания внешних угроз суверенитету России (2012–2022 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 869–879. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-869-879>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-869-879>

Problems of war and peace in the context of growing external threats to Russian sovereignty (2012–2022)

Mikhail A. KAZAKOV *, Mikhail V. KOTOV

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

*Corresponding author: kazakov_mihail@list.ru

Importance. The purpose of the study is to consider the state of problems of war and peace in the dynamics of growing external threats to the sovereignty of the Russian Federation in 2012–2022. Among them, there is a special interest in war as a phenomenon that has once again become a radical tool for conducting interstate relations.

Research Methods. The research is based on the principles of historicism, the unity of the objective and the subjective. Along with general scientific methods, such as analysis, dialectical method, case-study, elements of decisional, historical-comparative, retrospective and other methods from interdisciplinary knowledge were used.

Results and Discussion. It is noted that the main reason for the escalation of the “hot phase” of the war is the actual refusal of the West to end the Cold War. The difference is given in the peculiarities of understanding modern war and its instruments in the goals and methods of international policy pursued by the United States using the examples of the actions of the administrations of Barack Obama and Donald Trump, the Russian Federation under the leadership of President V.V. Putin. It is shown that the emerging trend towards the rejection of unilateralism, changes in the internal and external environment, was transformed into a radical political course of the United States under Barack Obama. The strengthening of the United States as a state, despite the contradictions between factions of the establishment, and its role as the center of the West, in the presence of acute inter-party discourse, under Trump is an instrument of the struggle for his global hegemony. While categorically rejecting the aggressive actions of Washington and NATO, the Russian leadership does not exclude the possibility of peaceful coexistence with the United States.

Conclusion. The period under review was not only a fixation of trends launched by the West, but also seriously transformed Russia’s national security understanding. The concept of “hybrid warfare” seems to be the most productive to describe the current stage. In order to build a more stable international security system in the 21st century, it will be necessary to take into account changes in the nature of a number of international relations fundamental problems related to the war and peace problems.

Keywords: war and peace, instruments, goals and methods of international politics, multipolar world, hybrid wars, strategic parity, sovereignty of Russia

Conflict of Interests. Authors declare no conflict of interests.

Funding. There is no funding of the work.

For citation: Kazakov, M.A., & Kotov, M.V. (2024). Problems of war and peace in the context of growing external threats to Russian sovereignty (2012–2022). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 3, pp. 869-879. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-869-879>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Война как политическое явление – общественно опасный феномен. В международном контексте это вызов всему миру и угроза существованию государств. Война имеет многовековую историю возникновения, трансформации и адаптации к мироустройству и различным политическим системам, что ставит явление на первое место по деструктивному влиянию на международное и общественное развитие. В условиях острой противоречивости процессов глобализации в мире, *война как феномен вновь стала радикальным инструментом ведения межгосударственной политики*. И стратегической задачей, что предстоит решать международному сообществу, как отметил в своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент РФ В.В. Путин, является задача по обеспечению мира, региональной и глобальной стабильности. Речь идет о формировании пространства равной и неделимой безопасности для всех, а не для избранных. Несмотря на сложность этой задачи, альтернативы такой политике нет¹.

Примечательно, что это было сказано лидером страны, пребывающей в центре геополитических и культурно-цивилизационных разломов, социально-экономических перепадов, виражей внешне- и внутривнутриполитических трансформаций, гибридных войн. Только после конфликта с Грузией (2008), обнажившего эрозию международной безопасности, серьезно занявшейся реформой вооруженных сил. С 2014 г. Россия столкнулась с валом санкций как элементом новой комплексной стратегии ведения войн. В рассматриваемый период концептуальные новации нашли свое отражение, прежде всего, в Военной доктрине РФ (от 26 декабря 2014 г.) и Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. (от 31 декабря 2015 г.), в которых соотношение *войны и мира* рассмотрено применительно к

¹ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России. 2015. 28 сент. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 01.02.2024).

возникающим реалиям международной среды во взаимозависимости политик.

Большой интерес представляет анализ категории «*скрытое насилие*» [1, с. 71], совершаемое из интересов элит США и соотносимое с американскими ценностями. В публичном пространстве политики оно легитимизируется ради якобы общего блага Запада.

Данное обстоятельство существенно сказалось на характере академического и экспертного дискурсов. Сложность в осмыслении такого насилия (и практики ее легитимации) заключается в том, что абстрактные дефиниции, обнаруживаемые в поле междисциплинарного знания, часто не учитывают его обусловленность культурно-цивилизационным контекстом, а исторические труды, как и политологические экскурсы, обычно ограничиваются конкретными проявлениями насилия в действительности [2, с. 9]. На практике «*скрытое насилие*» применяется теми или иными государствами или их альянсами, наиболее известным из которых является военно-политический блок НАТО. Тем самым мы имеем предметом исследования *особенности современной войны и ее инструментов*.

Наряду с этим не менее активно обсуждаются не только факторы, приведшие к противоборству России и Запада, но и те переменные, что обуславливают их мирное сосуществование на ином качестве элит и социумов в обозримом будущем!? Характер текущего международного политического процесса, подтверждая реальность перехода к новому миропорядку, отражает сложность динамики транзита: критичность ситуации, неопределенность отношений, борьбу моделей развития.

Одновременно при движении к миру уже сейчас крайне важны и ценности, и технологии гуманизма [3, с. 110] не только как слагаемые перевеса сил, но и плодотворного созидания. Они находят выражение в развитии стратегий миротворчества, учете «гибридизации» традиционных видов взаимодействия (начиная с дипломатии и кончая войнами), простирающиеся в конструировании

новой реальности и попытках ею управлять [4, с. 167]. В качестве некоторого ориентира выступает утверждение многополярного мира, реалии и перспективы которого многими увязываются с Большой Евразией. На уровне культурно-цивилизационных отличий здесь возникают проблемы во взаимоотношениях между разными центрами мировой мощи, причем они лежат не только в плоскости геополитики, но и в пространстве цивилизационного диалога². Есть и другие ориентиры, к примеру, БРИКС+. Предмет исследования, таким образом, затрагивает и *методы понимания международной политики ведущими государствами, их общезначимые задачи, противостоящие диктату отдельных стран или их военному альянсу и направленные на легитимное функционирование международной системы и мирное урегулирование конфликтов*.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Познавательным аппаратом исследования выступает комплекс системных, гео- и этнополитических, антропологических, исторических, социологических общенаучных методов и подходов, определяющих как значимые стороны предмета, так и его междисциплинарный характер. Наиболее важными для изучения заявленной темы являются диалектический метод с точки зрения действия закона единства и борьбы противоположностей, методы системного, социально-философского, структурно-функционального и компаративного анализа, включая сравнительно-сопоставительные характеристики (документов, категорий) с позиций принципов историзма, единства объективного и субъективного, метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Среди научных походов особо выделим: аксиологический, геополитический (геостратегический с акцентом на концепции стратегической культуры), деятельностный, конст-

² Филатов А.С. Геополитическое устройство мира в культурно-цивилизационном измерении: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Симферополь, 2023. С. 4.

руктивистский, цивилизационный – при взвешенном обращении к инструменталистскому подходу во взаимодействии с персоналистским фактором [5, с. 55]. Идеи взаимосвязанности и взаимообусловленности международно-политических, социально-идеологических факторов в выработке и проведении политики в области безопасности, войны и мира. В целях рассмотрения истоков затрагиваемых проблем ситуационный анализ сочетает применение методов исторической ретроспективы, case-study, элементов децизионного метода, контент-анализа и включенного наблюдения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Осознавая масштаб задач, связанных с анализом особенностей современной войны, развязанной Западом против России, ограничимся некоторыми свидетельствами и обобщениями, позволяющими: а) вычленив в явлении системообразующие факторы; б) узловые отличия концептуально-практических подходов военно-политического развития США, характерные для правления президентов Б. Обамы и Д. Трампа. Первое различие уже в том, что приход к власти Б. Обамы ознаменовал *радикализацию* в умах господствующей элиты доктрины американской исключительности. Она стала базой артикуляции либеральной модели *однополярного мира*. Системный фактор ее реализации в том, что как геополитический проект его невозможно осуществить при суверенитете России (и других держав). И потому «задача предотвращения ее усиления» (Д. Фридман) именно при Б. Обаме обрела в политике США (а затем и их союзников) характер комплексного сдерживания.

Причины – общеизвестны, как и то, что эта *война без правил*. В отношении РФ и тех, кто дружен с ней, их нет. Она ведется во всех возможных сферах и всеми разновидностями войн. О чем в одноименной книге предупреждали китайские генералы (1999), а позже документально подтвердил Э. Сноуден. Но первым и зачастую латентным объектом ата-

ки становится культура, национально-государственная идентичность, выступающая и неотъемлемым элементом цивилизационного пространства, и выработки стратегии поведения на международной арене. Поэтому вопрос о неизбежности ужесточения борьбы моделей миропорядка не случайно выпал на спад пандемии коронавируса. На ее фоне грянул ряд кризисов, которые не ООН, а США пытались взять под контроль. Среди проявившихся вызовов следует назвать прекращение переговоров по контролю над стратегическими вооружениями и разработку биологического оружия. Агентство Министерства обороны США по уменьшению угроз (DTRA) профинансировало как минимум 11 известных биологических лабораторий на территории Украины, граничащей с Россией [6, р. 34]. К этому добавим отсутствие однозначного ответа на генезис COVID-19, его реалии и уроки, те новые угрозы, информация о которых появляется прямо сейчас.

Приоритеты региональной и международной политики команды Д. Трампа (2016–2020) обрели спорную противоположность во внешнеполитическом кульбите США в 2020–2022 гг. при его преемнике, демократе Дж. Байдене. Прежде были как волны ограничения влияния в международной системе, так и иницилируемая Вашингтоном враждебность по отношению не только к России, но и к Китаю. С переменным успехом эта же политика применялась к Индии, Ирану, Турции и другим как партнерам РФ. В первом случае эти действия воплощали стратегию *сдерживания*, во втором – *вовлечения*. В настоящее время эскалация «горячей фазы» войны лишь нарастает, что заставляет глубже взглянуть на исторические корни нынешней ситуации.

Главная причина эскалации – фактический отказ Запада закончить *холодную войну* (С.Е. Кургинян, В.А. Никонов и др.). С осени 2014 г. в своих речах Б. Обама стал называть Россию в числе трех основных угроз безопасности США и человечества – наряду с «Исламским государством Ирака и Леванта» и лихорадкой Эбола [7, с. 306]. Доктрина

Б. Обамы базировалась на том, что США – единственный субъект стратегического действия, единственная сверхдержава. Ее опора – это «факторы силы», описанные еще Зб. Бжезинским. Стратегия глобального доминирования в области обычных военных действий должна обеспечиваться *dispositifs* (инструментами) «сетевых войн». В пространстве культурно-информационных битв она должна обеспечиваться инструментарием «мягкой/умной» силы, в сфере геополитики – системой инструментов и мероприятий «управляемого хаоса». Для жесткого наказания социально непокорных – инструментарий «смены режимов» и так называемых «цветных революций»³.

Уже в начале второго десятилетия XXI века тезис о многополярности международных отношений стал реальностью. Вместе с тем официальный курс администраций США была по-прежнему ориентирован на сохранение доминирования в мире. Применительно к политике в отношении России это предполагало усиление элементов «сдерживания» Кремля, которые, по мнению С.Е. Кургиняна, лежат в центре любой американской стратегии взаимодействия с Москвой [8, с. 29]. Белый дом продолжал линию дискредитации неугодных режимов путем сочетания «жестких» и «мягких» мер. На постсоветском пространстве происходил рост напряженности по линии «угрозы – безопасность». В частности, это проявилось в стремлении воспрепятствовать интеграционным процессам в масштабах Евразии, участниками которого являлись постсоветские государства и во главе которых стояла Россия. Эта политическая линия, отметим, также поддерживалась и Европейским Союзом. Как отмечают Д.А. Белашенко и В.В. Сикираж [9, с. 63], появление в 2009 г. с подачи ЕС и дальнейшее активное продвижение программы «Восточное партнерство» для шести постсоветских стран имели целью их отрыв от Москвы. Несмотря на весьма скромные результаты на пути к

³ Овчинский В., Ларина Е. «Холодная война 2.0». 2014. 11 ноября. URL: <https://izborsk-club.ru/4224> (дата обращения: 11.02.2024).

заявленной цели – евроинтеграции, программа сыграла свою роль в фрагментации постсоветского региона, породив «дилемму интеграций», прежде всего, на Украине и внося тем самым свой косвенный вклад в политический кризис в этой стране зимой 2013–2014 гг.

В рамках неоклассического реализма внешняя политика рассматривается как зависимая переменная, принимающая тот или иной вид под воздействием процессов как внутри государства, так и на международной арене. Этот теоретический постулат может быть вполне проиллюстрирован эволюцией внешней политики США при Б. Обаме. В период первой администрации (2008–2012 гг.) в рамках российско-американских отношений были заключены Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) и Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. Остановлен процесс развертывания ПРО в Чехии и Польше, расширено сотрудничество по афганскому кризису, начаты переговоры по иранской ядерной проблеме. В целом такой курс соответствовал интересам и Вашингтона, и Москвы.

Однако из-за поддержки Соединенными Штатами государственного переворота на Украине отношения между Россией и США стали резко ухудшаться. Еще одной причиной нарастания конфронтации в двусторонних отношениях стало участие России в гражданской войне в Сирии на стороне правительственных войск с целью борьбы с транснациональными террористическими группировками. Это означало не просто оказание военной помощи правительству Башара Асада. Российская Федерация продемонстрировала свои возросшие возможности по ведению крупных боевых действий вдали от своих границ, тем более в таком важном регионе мира, как Ближний Восток. Тем самым нивелировалась монополия Запада и в особенности США на легитимное применение насилия после окончания холодной войны (Югославия, Ирак, Ливия), чему было дано обос-

нование в концепции «нового интервенционизма».

Анализируя трактовки современной стратегии «сдерживания» в работах американских аналитиков, Е.С. Бирюков выделил в них следующий набор инструментов и средств: 1) физическое устранение руководства; 2) революции и государственные перевороты; 3) продвижение различных программ по развитию демократии или 4) поддержке оппозиции; 5) демократическая смена власти; 6) война или 7) спецоперации; 8) региональная коалиция; 9) прокси-война; 10) дипломатические методы; 11) экономические и другие санкции [10, с. 88]. Собственно, с последних стартовал второй срок президентства Б. Обамы. Его администрация не только ввела широкие торгово-экономические и политические санкции против РФ, но и приняла меры по наращиванию военного присутствия НАТО в Восточной Европе. Тем самым наметившийся было тренд на отказ от унилатерализма [11, с. 198] под воздействием изменений внутри страны и во внешней среде трансформировался в более радикальный политический курс США.

В теоретическом измерении, таким образом, мы видим, как за подвижками конкретной реальности идет эволюция концепций внешней, внутренней, военной политики и их инструментов. Нельзя абстрагироваться и от того, что в действительности за их симбиозом стоит насилие, страдание, смерть. Исходя из реалий подобных интеракций, влекущих нарастание угроз России, в условиях, когда грань между войной и миром стерта, выскажем такое суждение. Стремление Запада воспользоваться случаем и использовать для этого различные предлоги и метафоры (от «пробирки» до «морковки») – есть средство смыслового воздействия на власть и общество. Оно включает свод логик, мер и технологий, задействованных акторами (манипуляторами) для обеспечения своего влияния на государство-мишень, его союзников. Нельзя не отметить здесь реальные и скрытые инструменты воздействия, а также деструктивный характер последствий их применения.

В конечном счете – это дестабилизация, лишение субъектности, «управляемый хаос».

Необходимо также обратить внимание на позицию определенных военно-политических и аналитических кругов НАТО в период второго президентства Б. Обамы. Сначала на полусекретной конференции «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра» (2013 г.) наиболее эффективными были признаны *смешанные* стратегии. После этого последовал вывод о необходимости разработки теории, а главное, детального инструментария для гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти⁴. Посыл соотносится с военной доктриной США в концепции «комплексных насильственных противоборств». В ней, на что не раз указывали российские эксперты, воедино слиты информационно-психологическое и политическое давление, традиционные военные силы и спецоперации, меры по финансово-экономическому принуждению врага к миру. Ведущие западные эксперты на конференции «Стратегия и ее недостатки» вводили концепт «DIMET-операций на основе эффектов»⁵ как базового типа гибридных войн ближайшего времени.

«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века», в частности DIMET-операции, раскрываются С.В. Володенковым как сплав дипломатии, информационных операций, применения вооруженных сил, экономических мер в связке с финансами и применения технологий, включая цифровые. Их целью является разрушение связей внутри страны-врага как системы в интересах Запада [12, с. 192].

«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века» DIMET-операции раскрываются С.В. Володенковым как дипломатия,

⁴ Овчинский В., Ларина Е. «Холодная война 2.0».

⁵ Jennings P., Ayson R., Lyon R. et al. Strategy and its discontents: the place of strategy in national policymaking. Canberra: Australian Strategic Policy Institute, 2014. 14 p. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep04057> (accessed: 20.02.2024).

информационные операции, вооруженные силы, экономика в связке с финансами, технологии, включая цифровые. Их целью является разрушение связей внутри страны-врага как системы в интересах Запада. Ответ российского научного сообщества в укреплении национальной безопасности РФ носит системный характер. Задача общественных наук состоит в адекватной концептуализации понятий, выработке формулировок для точного описания и прогнозирования военно-политических событий. В тщательном обосновании способов подготовки/применения военной силы для снятия существующих и перспективных вызовов, рисков, опасностей и угроз [12, с. 192].

Как уже отмечалось ранее, после февраля 2014 г. в отношениях России и Соединенных Штатов наступает кризисная фаза. Белый дом официально объявил Москву (наряду с Пекином, Тегераном и Пхеньяном) источником угрозы национальным интересам США. Впоследствии курс Вашингтона стал колебаться между санкционной и запущенной им «дипломатической» войной с РФ. Она достигла своего пика при следующем президенте. В рамках предвыборной кампании 2016 г., сместившей внешнеполитическую риторику основных кандидатов к обсуждению и критике идей и политики своих партийных оппонентов, победил Д. Трамп. Его избрание в условиях противоречивого наследия долгосрочной политики Америки (ее базовых институтов и политических практик) и эклектики личных взглядов предопределило *коррекцию* военно-политического измерения внешнеполитического курса США 2016–2020 гг. в контексте столкновения прежних и оптимизированных позиций.

Стоит обратить внимание на «единство и борьбу противоположностей» данного процесса в фокусе реальных угроз России. Уже в Стратегии национальной безопасности США (2017 г.) Москва, хотя и является источником угрозы, но именно КНР значится главным объектом геополитического сдерживания. Укрепление США при Д. Трампе как государства, несмотря на противоречия между

фракциями американского истеблишмента, и его роли как лидера Запада, при наличии острого межпартийного дискурса, было инструментом борьбы за «глобальную гегемонию западных элит»⁶. В рамках Национальной оборонной стратегии США (2018 г.) команда Д. Трампа, как в любом ядерном государстве, стремилась к защите страны от ядерных и им подобных угроз. В противодействии терроризму внутри страны и за ее пределами Стратегия ограничивалась превентивными мерами.

Это и многое другое, отмеченное в более детальных исследованиях «феномена Трампа» [13], говорит о вполне реалистичном характере концептуального подхода его администрации. Вместе с тем обратим внимание, что в нем нет установки на мирное сосуществование с РФ. Последнее лишь декларировалось, и то одновременно с типично американским отношением к СМК и информационным технологиям в виде элемента геополитического сдерживания Ирана и Северной Кореи, Китая и России, расширения влияния в ИТР и на Ближнем Востоке. В *противоположном типе качества управления* – основной практический смысл работы самого Д. Трампа. При этом президенту-республиканцу пришлось работать в обстоятельствах «ограничения легитимности и доверия» части общества, вызванных не столько его «дурной политикой», сколько противодействием истеблишмента, создающих сложности «управления в плохо регулируемом обществе»⁷.

Избрание на президентский пост Дж. Байдена (2020 г.) обернулось активизацией политики, связанной с откровенно нарастающей враждебностью и усилением манипуляции общественным мнением по отношению к России и ее политике. Так, в уже докладе «НАТО-2030: совместно в новую эру», пред-

ставленном «группой мудрецов» Альянса в ноябре 2020 г., отмечалось «кардинальное изменение обстановки в сфере безопасности» [14, с. 142]. Россия рассматривалась как источник опасности для евроатлантического региона. Вместе с тем не исключались возможности для ведения диалога по тем вопросам, которые представляли жизненный интерес для обеих сторон. Это было продемонстрировано во время встречи в верхах в Женеве, где 16 июня 2021 г. прошли переговоры В.В. Путина и Дж. Байдена. На практике после них почти все осталось неизменным. Сохранившийся при Д. Трампе тренд к демонтажу системы контроля над вооружениями только усилился при администрации демократов. Руководство России, при категорическом неприятии агрессивных действий Вашингтона и НАТО, заявило о своей приверженности стратегическому паритету. Оно подчеркивает возможность мирного сосуществования с США при дальнейшем совершенствовании оборонного потенциала⁸.

На фоне реализации целенаправленной политики США и Запада по сдерживанию России жизненно важное значение для страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела России. Все эти задачи нашли свое отражение в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁹. К сожалению, такой внятный и миролюбивый посыл Москвы пока не доходит до Вашингтона [15, с. 108]. Последний продолжает проводить враждебный курс в отношении РФ, в том

⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2018 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102463503> (дата обращения: 01.02.2024).

⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/asts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 20.01.2024).

числе путем поощрения нынешнего украинского режима на продолжении полномасштабного и высокоинтенсивного вооруженного конфликта с нашей страной.

ВЫВОДЫ

В рассматриваемый период ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации претерпела кардинальные изменения. Ключевым событием, предопределившим такой характер ее трансформации, стали события зимы 2013–2014 гг. на Украине.

Вооруженное противостояние в юго-восточной части этой страны, начавшееся весной 2014 г., заставило Россию по-новому посмотреть на вопросы обеспечения национальной безопасности, в том числе во взаимоотношениях с коллективным Западом. Все чаще стали говорить о «гибридной войне», которая ведется сторонами против друг друга и, помимо прокси-войны на Донбассе, имеет информационные, технологические, экономические и иные фронты противоборства. С объявлением Россией специальной военной операции 24 февраля 2022 г. конфликт вступил в горячую фазу. Его ключевыми характеристиками с точки зрения рассматриваемой темы стали вооруженные действия между двумя крупнейшими европейскими армиями с широкомасштабным использованием вооруженного насилия, нежелание нынешнего руководства в Киеве вести любые дипломатические переговоры с Москвой, требования России о безоговорочном уважении интересов ее безопасности и об учете сложившихся военно-политических реалий при мирном урегулировании конфликта. Отдельного упоминания также заслуживают окончательное превращение нынешнего украинского политического режима в исключительную угрозу национальной безопасности Российской Федерации (в том числе путем проведения террористических актов на

ее территории) и складывание широкой (более 50 стран) международной коалиции для поддержания военных возможностей Киева.

Безусловно, текущий вооруженный конфликт на Украине не имеет простых политических решений. Его самым значимым итогом на сегодняшний день видится создание новой системы международной безопасности в Европе, которая, хочется надеяться, будет лучше справляться с разрешением политических кризисов в отношениях Запада и России. Для последней, как неоднократно подчеркивалось в заявлениях высшего руководства страны, ключевым мерилom эффективности этой системы будет служить отсутствие внешних угроз суверенитету и безопасности.

Очевидно, что столь масштабный конфликт, как российско-украинский, даст значительный материал для размышлений о проблемах войны и мира в XXI веке. Попытки осознать эти трансформации уже предпринимаются. Сейчас они по вполне понятным причинам концентрируются на изменениях в стратегических отношениях России и Запада. Однако для складывания более стабильного международного порядка, нежели тот, который пришел на смену холодной войне в конце XX века, потребуются более комплексные подходы к целому ряду фундаментальных проблем международных отношений. Среди них – понимание «национальных интересов», взаимоотношения между национальной и международной безопасностью, сущность сдерживания в межгосударственных отношениях, природа войн и агрессии в отношениях между государствами, концепция превентивной войны в XXI веке, и мн. др. Кроме того, уже сегодня мы видим трансформацию существующих альянсов (НАТО) и складывание новых (БРИКС, в первую очередь). Учет этих процессов крайне важен для независимого и поступательного развития России и укрепления ее позиций на международной арене.

Список источников

1. Кревельд М.В. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
2. Философия войны и мира, насилия и ненасилия / под ред. В.П. Римского. М.: Изд-во «Академический проект», 2019. 462 с. <https://elibrary.ru/dhbfmq>
3. Казаков М.А. Элементы социального гуманизма в социокультурном, коммуникационном, образовательном пространствах современной политики: особенности восприятия и практико-ориентированные задачи // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 105-111. <https://elibrary.ru/wmebij>
4. О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова) / под. ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 863 с. <https://elibrary.ru/urbit>
5. Казаков М.А. Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 54-61. <https://elibrary.ru/yvojaz>
6. Lakota J. U.S. Biowarfare Labs in Post-Soviet States // Journal of NBC Protection Corps. 2022. Vol. 6. № 1. P. 28-43. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2022-6-1-28-43>, <https://elibrary.ru/ckponl>
7. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 880 с. <https://elibrary.ru/zbeeux>
8. Кургиян С.Е. Стратегия сдерживания и глобальный конфликт. Аналитика политического дискурса // Россия XXI. 2016. № 2. С. 6-29. <https://elibrary.ru/vvhjzb>
9. Белащенко Д.А., Сикираж В.В. Влияние «украинского фактора» на трансформацию постсоветского пространства // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 56-70. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-56-70>, <https://elibrary.ru/vijvoa>
10. Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2016. № 11. С. 85-104. <https://elibrary.ru/wyncoj>
11. Примаков Е.М. Внешняя политика России: задачи и перспективы // Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России / отв. ред. П.А. Цыганков, И.И. Кузнецов; сост. А.В. Топычкова. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. С. 194-202.
12. Володенков С.В. Информационное противоборство как составляющая современных «гибридных войн»: роль и особенности // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 384 с. <https://elibrary.ru/xhilt>
13. Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН РАН, 2020. 642 с. <https://elibrary.ru/cimatv>
14. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Трансформация современного мирового порядка в документах стратегического планирования США и НАТО // Гражданин. Выбор. Власть. 2023. № 2 (28). С. 128-145. <https://elibrary.ru/yfhyap>
15. Россия в современных международных отношениях (1991–2022) / под ред. М.И. Рыхтика. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. 249 с.

References

1. Kreveld M.V. (2005). *Transformatsiya voiny* [The Transformation of War]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 344 p. (In Russ.)
2. Rimskiy V.P. (ed.). (2019). *Filosofiya voiny i mira, nasiliya i nenasiliya* [Philosophy of War and Peace, Violence and Non-Violence]. Moscow, "Akademicheskii proekt" Publ., 462 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dhbfmq>
3. Kazakov M.A. (2023). Elements of social humanism in the sociocultural, communication, educational spaces of modern politics: features of perception and practice-oriented tasks. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], no. 10, pp. 105-111. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wmebij>
4. Slutskiy L.E., Shutov A.Yu. (ed.). (2021). *O natsional'no orientirovannoi teorii mezhdunarodnykh otnoshenii (k 80-letiyu professora P.A. Tsygankova)* [On the Nationally Oriented Theory of International Relations (to the 80th Anniversary of Professor P.A. Tsygankov)]. Moscow, Moscow University Publ., 863 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/urbit>
5. Kazakov M.A. (2018). Personification as a trend of modern political leadership: some characteristics of its manifestation and perception. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya:*

- Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (49), pp. 54-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvojaz>
6. Lakota J. (2022). U.S. biowarfare labs in post-Soviet States. *Journal of NBC Protection Corps*, vol. 6, no. 1, pp. 28-43. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2022-6-1-28-43>, <https://elibrary.ru/ckponl>
 7. Nikonov V.A. (2015). *Sovremenniy mir i ego istoki* [The Modern World and its Origins]. Moscow, Moscow University Publ., 880 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbeeux>
 8. Kurginyan S.E. (2016). The strategy of containment and the global conflict. Analysis of political discourse. *Rossiia XXI = Russia XXI*, no. 2, pp. 6-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvhjzbz>
 9. Belashchenko D.A., Sikirazh V.V. (2023). *Vliyanie «ukrainskogo faktora» na transformatsiyu postsovetskogo prostranstva* [The influence of the “Ukrainian factor” on the post-Soviet space transformation]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii = Russia and New States of Eurasia*, no. 2 (59), pp. 56-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-56-70>, <https://elibrary.ru/vijvoa>
 10. Biryukov E.S. (2016). Etapy i instrumenty vneshnei politiki SShA na Blizhnem Vostoke [Stages and Instruments of USA Foreign Policy in the Middle East]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = The International Affairs*, no. 11, pp. 85-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wyncoj>
 11. Primakov E.M. (2014). *Vneshnyaya politika Rossii: zadachi i perspektivy* [Russian foreign policy: tasks and prospects]. *Vyzovy i al'ternativy mnogopolynarnogo mira: rol' Rossii* [Challenges and Alternatives of Multipolar World: Russia's Role]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publishing House, pp. 194-202. (In Russ.)
 12. Volodenkov S.V. (2015). *Informatsionnoe protivoborstvo kak sostavlyayushchaya sovremennykh «gibridnykh voyn»: rol' i osobennosti* [Information warfare as a component of modern “hybrid warriors”: role and features]. *«Gibridnye voiny» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka* [“Hybrid Wars” in the Chaotic World of the 21st Century]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publishing House, 384 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xavyjr>
 13. Kuznetsov A.V. (ed.). (2020). *Fenomen Trampa* [The Trump Phenomenon]. Moscow, Institute for Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Science Publ., 642 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cimatv>
 14. Bocharnikov I.V., Ovsyannikova O.A. (2023). Transformation of the modern world order in the strategic planning documents of the USA and NATO. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*, no. 2 (28), pp. 128-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yfhypv>
 15. Rykhtik M.I. (ed.). (2023). *Rossiia v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1991–2022)* [Russia in Modern International Relations (1991–2022)]. Nizhny Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 249 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Казаков Михаил Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-7001-4059>
kazakov_mihail@list.ru

Котов Михаил Владимирович, младший научный сотрудник Агентства научных исследований и информации «Лобачевский» Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0308-7290>
Kotov.M95@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2024
Одобрена после рецензирования 24.05.2024
Принята к публикации 13.06.2024

Information about the authors

Mikhail A. Kazakov, Dr. habil. (Political), Professor, Professor of Political Science Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-7001-4059>
kazakov_mihail@list.ru

Mikhail V. Kotov, Junior Research Scholar of Lobachevsky Research and Information Agency of Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-0308-7290>
Kotov.M95@yandex.ru

Received 01.03.2024
Approved 24.05.2024
Accepted 13.06.2024